

Научная статья

УДК 811.161.1;81'373.222.612.2

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.2.21>

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ «СЕМЬЯ – ЭТО КРЕПОСТЬ / ЭТО ГАВАНЬ»: ОТ ИДИЛЛИИ К КРИЗИСУ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ РУССКОЙ ПРОЗЫ XIX ВЕКА)

Татьяна Григорьевна Борисова¹, Алексей Николаевич Печенюк^{2*}

^{1,2} Ставропольский государственный педагогический институт (д. 417А, ул. Ленина, Ставрополь, 355029, Российская Федерация)

¹ Доктор филологических наук, профессор
ddis@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2827-5351>

² Кандидат филологических наук, доцент
magronio@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0280-7599>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Русская культура позапрошлого века заметно пересмотрела понятие о семейных ценностях, и литература той эпохи стала чутким отражением этих сдвигов. При этом языковой аспект трансформации – а именно эволюция ключевых образов и метафоры, связанной с домашним укладом, – исследован недостаточно. В настоящей работе проводится сравнение концептуальных метафор, формирующих образ семьи в двух классических романах: эпопее «Война и мир» Л. Толстого и «Братьях Карамазовых» Ф. Достоевского. Задача – выявить, через какие речевые приемы один писатель создает модель семьи как надежного укрытия, а другой – как очага вражды и раскола, а также связать это различие с культурным контекстом времени.

Материалы и методы. Материалом для анализа послужили сами романы, а также данные толковых словарей русского языка, позволившие уточнить смысловые грани ключевых лексем. Теоретическую базу составила когнитивная парадигма метафоры, предложенная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном: в их подходе метафора трактуется не как риторическое украшение, а как базовый мыслительный механизм. В ходе работы применялись методика сплошной выборки единиц с семантикой семьи, концептуальный анализ метафорических паттернов и сопоставительное описание двух способов языкового выражения. **Анализ.** В толстовском романе семья последовательно изображается как надежное укрытие. Это выражается через лексику, связанную с защитой и теплом, через глаголы, означающие заботу и сохранение, а также через обороты, подчеркивающие общность. Здесь семейное пространство противопоставлено хаосу внешнего мира. У Достоевского картина прямо противоположная. Его персонажи оказываются заперты в семейных отношениях, которые приносят не покой, а страдание: дом превращается в арену конфликта, где действуют силы отчуждения и вражды. Этому соответствуют слова с негативной окраской, отсутствие обобщающих наименований семьи

как единого целого и постоянные споры вместо согласия. Вместо метафоры гавани здесь работает образ камня преткновения. **Результаты.** Проведенный анализ позволяет зафиксировать, что смена толстовской гармоничной, почти идиллической трактовки семьи на достоевскую, пронизанную конфликтом и надломом, отражает глубинные перемены в российском общественном сознании во второй половине XIX столетия. Трансформируются главные характеристики семейного образа: из надежного, огражденного от внешних угроз пространства оно оборачивается источником опасности; вместо коллективного «мы» возникает множество обособленных «я»; на смену былой устойчивости приходит разрыв и моральное испытание. Следовательно, то, как в классической прозе языковыми средствами выстраивается концепт «семья», выступает чутким маркером вытеснения привычных устоев рефлексией и поисками новых жизненных опор.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концептуальная метафора, концепт «семья», «Война и мир», «Братья Карамазовы», языковая репрезентация

Для цитирования: Борисова Т. Г., Печенюк А. Н. Трансформация концептуальной метафоры «Семья – это крепость / это гавань»: от идиллии к кризису (на материале текстов русской прозы XIX века). // Гуманитарные и юридические исследования. 2026. Т. 13. № 2. С. 341-346. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.2.21>

Конфликт интересов: один из авторов статьи – доктор филологических наук, профессор Т. Г. Борисова является членом редакционной коллегии журнала «Гуманитарные и юридические исследования». Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

.Статья поступила в редакцию: 31.01.2026

Статья одобрена после рецензирования: 25.04.2026

Статья принята к публикации: 10.05.2026.

Research article

TRANSFORMATION OF THE CONCEPTUAL METAPHOR “FAMILY IS A FORTRESS / A HARBOR”: FROM IDYLL TO CRISIS (BASED ON TEXTS OF 19TH-CENTURY RUSSIAN PROSE)

Tatiana G. Borisova¹, Alexey N. Pechenyuk^{2*}

^{1,2} Stavropol State Pedagogical Institute (417A, Lenina St., Stavropol, 355029, Russian Federation)

¹ Dr. Sci. (Philology), Professor
ddis@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2827-5351>

² Cand. Sci. (Philology), Associate Professor
magronio@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0280-7599>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. Ideas about the family in Russian culture of the 19th century underwent major changes, which was clearly reflected in the literature of that time. However, the linguistic side of this process – in particular, how exactly the cross-cutting images and metaphors describing the family way of life changed – remains poorly studied. The paper is devoted to comparing the

conceptual metaphors of the family in two iconic novels of Russian prose: War and Peace by L. Tolstoy and The Brothers Karamazov by F. Dostoevsky. The goal is to trace by what linguistic means the image of a refuge family is created in one author and a discord family in another, and to explain this shift in the cultural context.

Materials and methods. The source material was the texts of

these novels, as well as explanatory dictionaries of the Russian language to clarify the meanings of keywords. The theoretical basis of the work was the cognitive theory of metaphor, developed by J. Lakoff and M. Johnson, which considers metaphor not as a decoration of speech, but as a basic cognitive tool. The work used methods of continuous sampling of vocabulary related to family description, conceptual analysis of metaphorical models, and a comparative description of two types of language representation. **Analysis.** In Tolstoy's novel, the family is consistently portrayed as a safe haven. This is expressed through vocabulary associated with protection and warmth, through verbs meaning care and preservation, as well as through turns emphasizing community. Here, the family space confronts the chaos of the outside world. Dostoevsky's picture is exactly the opposite. His characters find themselves locked in family relationships that bring not peace, but suffering: the house turns into an arena of conflict, where the forces of alienation and enmity operate. This corresponds to words with a negative coloring (litigation, discord, humiliation, burden), the lack of generalizing names of the family as a whole and constant disputes instead of consent. Instead of the harbor metaphor, the image of a stumbling block works here. **Results.** The study showed that the transition from the Tolstoy idyllic family model to the Dostoevsky crisis model records serious shifts in the Russian public consciousness of the second half of the 19th century. The

key parameters of the family image are changing: from a protected place, it turns into a source of threat; from the collective "we" disintegrates into isolated "I"; from the symbol of stability becomes a symbol of rupture and moral trial. Thus, the linguistic organization of the family concept of in classical literature serves as an accurate indicator of how traditional values gave way to reflection and the search for new foundations of being.

Keywords: cognitive linguistics, conceptual metaphor, the family concept, War and Peace, Brothers Karamazov, language representation

For citation: Borisova TG, Pechenyuk AN. Transformation of the conceptual metaphor "Family is a fortress / a harbor": from idyll to crisis (based on texts of 19th-century Russian prose). Humanities and law research. 2026;13(2):341-346. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.2.21>

Conflict of interest: one of the authors of article – TG Borisova, Dr. Sc. (Philology), Professor, is a member of Editorial Board of journal "Humanities and law research". The authors are not aware of any other potential conflict of interest relating to this manuscript.

The article was submitted: 31.01.2026

The article was approved after reviewing: 25.04.2026

The article was accepted for publication: 10.05.2026.

Введение. «Семья» входит в число основополагающих, повсеместно значимых культурных концептов и при этом занимает одно из центральных мест именно в русской языковой модели мира. XIX столетие, заслуженно именуемое «золотым веком» отечественной словесности, вывело семью за рамки просто предмета художественного изображения – она превратилась в своего рода призму, сквозь которую авторы осмысливают коренные вопросы человеческого существования: нравственные ориентиры, пределы личной свободы, связь между индивидом и обществом, а также диалог традиции с современностью. Н. А. Некрасов, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, И. А. Гончаров, М. Е. Салтыков-Щедрин и другие классики создали галерею семейных портретов, каждая из которых отражала определенный этап русской действительности и определенный тип мировосприятия.

Вместе с тем, при всей многочисленности литературоведческих и культурологических исследований, посвященных теме семьи в русской классике, лингвистический аспект репрезентации этого концепта остается изученным недостаточно. Как отмечают Р. А. Аюпова и Э. В. Гарипова в сопоставительном исследовании русской и английской культур, именно языковые средства вербализации понятия «семья» позволяют выявить глубинные различия в национальных картинах мира [1]. Особенно это касается когнитивно-метафорического измерения: как именно – какими языковыми средствами и через какие ментальные модели – русские писатели XIX века создавали образ семьи в своих произведениях.

Теория концептуальной метафоры была разработана Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в их знаменитой работе «Метафоры, которыми мы живем» [5]. Согласно этой теории, метафора – это не просто фигура речи, а фундаментальный когнитивный механизм, посредством которого человек осмысливает абстрактные понятия через более конкретные, телесные и практические области опыта. Метафора пронизывает повседневное мышление и язык, орга-

низую наше восприятие действительности. Как подчеркивает О.Б. Сивакова в своем обзорном труде, посвященном развитию теории метафоры, именно когнитивная лингвистика впервые наделила метафору статусом мыслительного инструмента, с помощью которого человек постигает отвлеченные категории и осуществляет абстрактное мышление [7]. Дж. Лакофф и М. Джонсон предлагают деление концептуальных метафор на три основных разновидности: структурные (один понятийный домен осмысливается в терминах другого), ориентационные (завязанные на пространственных координатах – верх/низ, право/лево и т.п.) и онтологические (переносящие свойства физических предметов на бесплотные сущности).

Для изучения концепта «семья» наибольшую ценность представляют структурные метафоры. Выражения вроде «Семья – это крепость» или «Семья – это тихая гавань» выстраивают понимание внутрисемейных отношений через образы замкнутого надежного пространства, где можно укрыться от внешних опасностей. В современной лингвистике активно изучаются концептуально-метафорические трансформации, которые претерпевает лексема «семья». Так, Цинхань Чжан отмечает, что в русскоязычной картине мира семья последовательно описывается через метафоры опредмечивания и олицетворения, что говорит о высокой степени культурной проработанности данного понятия [9].

Однако в русской прозе XIX в. – особенно при переходе от толстовской «идиллии» к Достоевскому «кризису» – эти метафоры претерпевают существенную трансформацию: образы защиты и покоя сменяются образами разлома, надрыва, «случайности».

Настоящее исследование ставит своей целью реконструировать трансформацию концептуальной метафоры «Семья – это крепость / это гавань» на материале двух вершинных произведений русской прозы XIX в. – романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир» и романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Выбор этих текстов не случаен: они пред-

ставляют два полюса в осмыслении семейного концепта – от «мысли семейной» у Л. Н. Толстого, где семья мыслится как органическое целое, противостоящее хаосу войны и социальных потрясений, до «случайного семейства» у Ф. М. Достоевского, где кровнородственные связи оказываются пронизанными раздором, эгоизмом и отчуждением. Как отмечает Е. А. Евдокимова в диссертационном исследовании, посвященном семье как этико-философской реальности в русской литературе XIX в., именно на материале Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского наиболее отчетливо видна трансформация семейного концепта – от гармонии к дисгармонии, от единства к распаду [3].

Материалы и методы. Материалом исследования послужили тексты романов «Война и мир» (1869) и «Братья Карамазовы» (1880), а также лексикографические источники. Методологическую базу составила теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, в рамках которой метафора понимается не как риторический приём, а как когнитивный механизм осмысления абстрактных понятий через конкретные области опыта. Использовались методы концептуального анализа, лингвистического описания и сопоставительного анализа метафорических моделей. Единицами анализа выступили лексемы со значением пространственной защищённости / уязвимости, глаголы семейного взаимодействия, синтаксические конструкции единства / разобщённости. В работе также учитываются результаты сопоставительных исследований репрезентации концепта «семья» в разных литературных традициях, в частности, выводы И. С. Шильниковой о ценностном отношении к семье в текстах произведений Дж. Голсуори, которые подтверждают, что метафорическая репрезентация семьи тесно связана с национально-культурными особенностями [10].

Анализ. В когнитивной лингвистике под концептуальной метафорой понимается ментальный механизм, обеспечивающий понимание и переживание понятий одной области (так называемой области-цели) в терминах понятий другой области (области-источника). В отличие от традиционной риторической метафоры, которая рассматривалась как сугубо языковое, декоративное средство, концептуальная метафора признаётся фундаментальным свойством человеческого мышления: «наше обыденное понятийное мышление... носит метафорический характер» [5, с. 27].

Применительно к концепту «семья» теория концептуальной метафоры открывает широкие исследовательские перспективы. Как отмечается в современных работах, в русском языке лексема семья как основной репрезентант одноименного концепта последовательно представлена в моделях овеществления – как конкретно-чувственный физический объект, как вещество, как вместилище, как трехмерная физическая среда / пространство для движения, а также в моделях одушевления – как одушевленная сущность, активное и целесообразно действующее существо. Это означает, что концепт

«семья» в русском языковом сознании отличается высокой степенью культурной разработанности, его содержание вписано в мир национальных идеалов и ценностей [9].

Для анализа отобранного языкового материала особенно удобной оказывается онтологическая метафора вместилища. В ее рамках семья трактуется как емкость, где внутри «свое» пространство – надежное, согревающее, близкое по духу, а снаружи остается «чужое», недружественное. Из такой метафоры закономерно вырастают образные ряды: «семья – это дом», «семья – это крепость», «семья – это гавань». Все эти варианты объединяет общая когнитивная схема: защищенная внутренняя зона противостоит опасному внешнему миру.

Следует особо отметить, что метафорическое оформление концепта «семья» отнюдь не застыло. Как показывают работы в области когнитивной лингвистики, метафорические модели способны меняться, улавливая сдвиги в культурном сознании, бытовых укладах и ценностных приоритетах носителей языка. Именно такую эволюцию – от благополучной метафоры «семья как твердыня / тихая пристань» к конфликтной метафоре «семья как яблоко раздора / источник разлада» – мы и намерены проследить на примере двух великих романов классической русской прозы. В романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» концепт «семья» занимает центральное место, будучи одной из ключевых скреп повествования. Исследователи толстовского творчества справедливо называют эту доминанту «мыслью семейной», которая органично переплетается с «мыслью народной». Однако в рамках нашего исследования нас интересует не столько сюжетно-композиционная роль семьи, сколько языковая репрезентация семейного концепта, и прежде всего – те метафорические модели, посредством которых Л. Н. Толстой конструирует образ семьи.

В романе «Война и мир» семья последовательно осмысляется через пространственные метафоры, связанные с идеей защиты, убежища, устойчивости перед лицом внешнего хаоса. Эта метафорическая модель реализуется на нескольких языковых уровнях.

Во-первых, это лексика, обозначающая архитектурные сооружения, предназначенные для защиты: дом, крепость, твердыня, стены. В тексте романа постоянные эпитеты, сопровождающие описание родовых гнезд Ростовых и Болконских, создают образ надежности и незыблемости: «Лысые Горы» Болконских – это не просто усадьба, а целый мир, существующий по своим внутренним законам, отгороженный от внешних бурь. Описание имений у Ростовых буквально пронизано атмосферой теплоты, уюта, пространственной замкнутости: гостиная Ростовых становится моделью «идеального дома», где все отношения строятся на любви, взаимопонимании и душевной открытости.

Во-вторых, важную роль играют глаголы с семантикой защиты и укрытия: оберегать, хранить, укрывать, защищать, ограждать. В толстовском тек-

сте эти глаголы часто встречаются в конструкциях, описывающих отношения родителей к детям и детей к родителям. Детей Ростовы и Болконские любят больше, чем себя: Ростова-старшая не переносит смерти мужа и младшего Пети; старик Болконский любит детей страстно и трепетно, даже строгость и требовательность его идут только от желания добра детям. Эта «любовь больше себя» – квинтэссенция толстовской семейной метафоры: семья – это не просто группа людей, связанных родством, а органическое целое, где каждый член является частью единого «тела», а общие чувства горя или радости охватывают всех.

В-третьих, это лексика, описывающая внутрисемейные отношения через тепло / холод, свет / тьму. В доме Ростовых «тепло» и «свет» буквально – от зажженных свечей, камина – и метафорически – от атмосферы любви и приятия. В доме Болконских – строже, аскетичнее, но там тоже есть свое «тепло»: уважение к традициям, честь, достоинство. Эта бинарная оппозиция («свое / теплое / защищенное» против «чужого / холодного / опасного») и составляет когнитивную основу метафоры «семья как крепость».

Разновидностью метафоры «семья – это крепость» выступает образ «семья – это гавань» (или «тихая пристань»). Здесь на первый план выходит не столько оборонительная роль семьи, сколько ее способность служить убежищем – местом, где можно передохнуть после житейских бурь, обрести спокойствие и душевное равновесие.

В романе «Война и мир» данная метафора воплощается через лексические единицы, несущие значения покоя, безмятежности, отдыха и восстановления сил. Для князя Андрея Болконского – персонажа, пережившего разочарования, ранение и смерть жены, – возвращение в Лысые Горы к отцу и сестре осмысливается именно как прибытие в «тихую гавань», где можно хоть на время забыть о мучительных вопросах существования. Что касается Наташи Ростовской, то в эпилоге романа семья становится для нее тем пространством, где после всех выпавших на ее долю потрясений обретается подлинное спокойствие.

Стоит особо отметить, что в толстовском тексте метафора «гавани» оказывается прочно связанной с образом материнского лона: семья предстает как среда, в которой человек словно рождается заново, восполняет свои силы и возвращает себе душевную цельность. Это представление о семье как об «исток» и «возвращении» будет затем утрачено в прозе Ф. М. Достоевского.

Для языковой репрезентации толстовской «идиллической» семьи характерны также определенные синтаксические конструкции, подчеркивающие единство и нерасчлененность семейного целого.

Одним из наиболее показательных приемов является использование собирательных и обобщающих номинаций применительно к членам семьи. Л. Н. Толстой часто пишет не «Наташа пошла», а «Ростовы пошли», не «Николай сказал», а «в семье

Ростовых решили». Местоимение все («все Ростовы») и обобщающие наречия (вместе, сообща, по-семейному) становятся маркерами семейной нераздельности.

Другой важный маркер – отсутствие или минимальная представленность конфликтной лексики при описании внутрисемейных отношений. Даже когда между членами семьи возникают разногласия (например, между старым князем Болконским и княжной Марьей), они никогда не перерастают в разрыв или отчуждение. Семья остается «своим» пространством, где конфликт – это временное явление, которое не разрушает целостность.

Таким образом, в «Войне и мире» Л. Н. Толстого концептуальная метафора «Семья – это крепость / это гавань» реализуется через разветвленную систему языковых средств: пространственную лексику защищенности, глаголы укрытия и оберегания, лексику тепла и света, синтаксические конструкции единства. Семья в толстовском мире – это органическое, теплое, защищенное пространство, противостоящее внешнему хаосу войны, светских условностей и духовных кризисов.

Если роман «Война и мир» представляет своего рода апогей классической, «идиллической» модели семьи в русской литературе, то роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» знаменует собой ее кризис и радикальную трансформацию. Исследователи творчества Ф. М. Достоевского неоднократно отмечали, что для писателя семья, семейные отношения, чувства героя как члена семьи – вот главный объект изображения, однако это изображение принципиально иное, чем у Л. Н. Толстого. В центре внимания Ф. М. Достоевского оказываются «случайные семейства» – деформированные, раздробленные, лишённые подлинной духовной связи.

Первое и самое очевидное отличие достоевской языковой репрезентации семьи от толстовской – это трансформация пространственных метафор. Если у Л. Н. Толстого семья – это крепость (защищенное пространство), то у Ф. М. Достоевского семья становится пространством угрозы, конфликта, разрушения.

В романе «Братья Карамазовы» дом Карамазовых – это не крепость и не гавань, а скорее арена борьбы, поле битвы и одновременно ловушка, из которой невозможно вырваться без духовной травмы. Образ «отцовского дома» у Ф. М. Достоевского – это не место защиты и тепла, а место отчуждения и вражды. Федор Павлович Карамазов – отец, который не защищает, а угрожает; не оберегает, а развращает; не дает тепло, а сеет холод и ненависть. Семья Карамазовых – это «камень преткновения», а не «твердыня».

Эта трансформация находит яркое выражение в лексике, описывающей семейные отношения. Вместо толстовских глаголов оберегать, хранить, укрывать у Ф. М. Достоевского доминирует лексика раздора, разрыва, унижения, предательства: ссора, вражда, суд, спор, убийство, разврат. Ключевым словом, характеризующим семейство Карамазовых,

становится «случайность» – отсутствие внутренней необходимости, органической связи между членами семьи. Как отмечает А. В. Ляпина, Ф. М. Достоевский в своих публицистических статьях подробно осмысляет причины возникновения «случайных семейств», связывая их с раздробленностью, жестокостью, эгоизмом и равнодушием, поразившими русское общество [6].

В противовес толстовской метафоре «семья как гавань» (покой, легкость, отдых) в романе Ф. М. Достоевского формируется метафора семьи как «камня» – тяжести, гнета, невыносимого бремени. Эта метафора реализуется через лексику тяжести и давления: бремя, груз, тягота, давит, тяжело, невыносимо.

Для каждого из братьев Карамазовых семья – это не источник сил, а их истощение. Дмитрий задыхается в ненависти к отцу и любви к Грушеньке; Иван мучается вопросом о справедливости Бога в мире, где страдают дети; Алеша, единственный, кто пытается строить новые связи, вынужден сначала преодолеть тяжесть родового проклятия. Семья здесь не «крепость», а темница; не «тихая гавань», а пучина.

Третий аспект языковой репрезентации семьи у Ф. М. Достоевского, резко контрастирующий с толстовской моделью, – это отсутствие собирательных номинаций и доминирование лексики, подчеркивающей разобщенность.

Если Л. Н. Толстой пишет «Ростовы», «все домашние», «по-семейному», то Ф. М. Достоевский почти никогда не использует слово «Карамазовы» в собирательном, единодушном смысле. Напротив, каждый член семьи представлен как отдельная, изолированная единица, связанная с другими не столько кровным родством, сколько взаимной враждой и подозрительностью. Вместо «все Карамазовы» мы видим: «Федор Павлович и его сыновья», «отец и дети», «братья». Отсутствие собирательности – это важнейший языковой маркер отсутствия семейного единства.

Синтаксически это выражается в обилии противительных конструкций («он, в отличие от брата...», «не как отец, а...»), в частотности отрицаний при описании родственных связей («не любил», «не понимал», «не принимал»), в преобладании диалогов-конфликтов над диалогами-согласиями. В семье Карамазовых персонажи не столько разговаривают друг с другом, сколько говорят друг против друга.

Как подчеркивает С. М. Колесникова, в романе «Братья Карамазовы» концепт «семья» входит в число доминант лингвокогнитивной ценностной парадигмы наряду с концептами «вера» и «честь», однако его репрезентация неизменно связана с конфликтом, противостоянием и нравственным выбором [4]. Семья у Ф. М. Достоевского – это не данность, а проблема; не убежище, а испытание; не корень, а камень преткновения.

Сопоставление двух метафорических моделей – толстовской («семья как крепость / гавань») и достоевской («семья как камень преткновения / раздор») – позволяет зафиксировать трансформацию концепта «семья» в русской прозе XIX века, затра-

гивающую все ключевые параметры концептуальной организации.

Параметр «пространство»: у Л. Н. Толстого семья – это замкнутое, защищенное пространство (дом, крепость, гавань) с четкими границами между «своим» (теплым, безопасным) и «чужим» (холодным, опасным). У Ф. М. Достоевского границы семьи оказываются размытыми, а само семейное пространство – не защищенным, а угрожающим; «свое» и «чужое» смешиваются, дом превращается в место конфликта, а не укрытия.

Параметр «субъектность»: у Л. Н. Толстого семья осмысливается как коллективный субъект – органическое целое, обладающее общей волей, общими чувствами и общей судьбой («Ростовы», «все домашние»). У Ф. М. Достоевского семья распадается на множество изолированных субъектов – каждый член семьи действует самостоятельно, исходя из своих (часто эгоистических) интересов; семейное «мы» практически отсутствует.

Параметр «динамика»: у Л. Н. Толстого семейные отношения описываются через лексику устойчивости, постоянства, возвращения («оберегать», «хранить», «возвращаться домой»). У Ф. М. Достоевского – через лексику разрыва, падения, катастрофы («разорвать», «упасть», «разбиться»).

Параметр «эмоциональная тональность»: толстовская метафора ассоциируется с теплом, светом, покоем (идиллия); достоевская – с холодом, тьмой, напряжением, болью (кризис, трагедия).

Эта трансформация не является случайной. Она отражает глубинные изменения в русском обществе второй половины XIX века: крушение патриархального уклада, рост индивидуализма, кризис традиционных ценностей, обострение социальных противоречий. Семья, которая в первой половине столетия могла еще восприниматься как «крепость» и «гавань» (пусть даже с внутренними проблемами), к 1870-м годам превращается в арену «случайных» конфликтов, где старые формы родственных отношений уже не работают, а новые еще не сложились.

Важно подчеркнуть: Ф. М. Достоевский не отрицает и не отрицает саму ценность семьи. Напротив, трагическое изображение «случайного семейства» у него – это крик боли, тоска по утраченному единству. Концепт «семья» остается для него священным – именно поэтому его разрушение изображено с такой силой. В этом смысле языковая эволюция от Л. Н. Толстого к Достоевскому – это эволюция не от «хорошей» семьи к «плохой», а от данности к проблеме, от покоя к вопросу. Семья перестает быть самоочевидной ценностью и становится территорией рефлексии, выбора, духовной борьбы.

Результаты. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Концептуальная метафора является эффективным инструментом анализа языковой репрезентации концепта «семья» в художественном тексте. Применение теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона к материалу русской классической прозы XIX века открывает новые перспективы для понимания того, как именно – через какие

ментальные схемы и языковые средства – русские писатели осмыслили феномен семьи.

В романе Л. Н. Толстого «Война и мир» доминирует идиллическая метафорическая модель «Семья – это крепость / это гавань». Эта модель реализуется через разветвленную систему языковых средств: пространственную лексику защищенности (дом, крепость, стены), глаголы оберегания и укрытия (защищать, хранить, оберегать), лексику тепла и света, синтаксические конструкции единства (собираательные номинации, обобщающие наречия). Семья в толстовском мире осмысливается как органическое целое, противостоящее внешнему хаосу и дарующее человеку покой и защиту.

В романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» идиллическая модель трансформируется в кризисную: «Семья – это камень преткновения / раздор». Языковая репрезентация семьи у Ф. М. Достоевского строится на принципиально иной лексике: доминируют слова со значением разрыва, вражды, тяжести, отчуждения (ссора, вражда, бремя, разрыв), отсутствуют собираательные номинации семьи как единства, синтаксис отмечен противительными конструкциями и частотными отрицаниями. Семья у До-

стоевского – это не убежище, а проблема; не исток, а испытание.

Зафиксированная трансформация концептуальной метафоры отражает глубинные изменения в русском культурном сознании второй половины XIX в. Переход от «семьи-крепости» к «семье-разлому» фиксирует кризис традиционных патриархальных ценностей, рост индивидуализма и рефлексивности, осознание семьи не как данности, а как проблемного поля нравственного выбора.

Концепт «семья» в русской классической прозе XIX в. демонстрирует высокую степень «культурной разработанности» и служит надежным лингвистическим индикатором мировоззренческих сдвигов эпохи. Языковая репрезентация семьи – это не просто описание родственных отношений, а ключ к пониманию того, как русское общество XIX века осмыслило себя, свои границы, свои ценности и свои кризисы.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в расширении корпуса анализируемых текстов (включение произведений И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, М. Е. Салтыкова-Щедрина), а также в сопоставительном анализе метафорической репрезентации концепта «семья» в русской и западноевропейской прозе XIX века.

Литература

1. Аюпова Р.А., Гарипова Э.В. Лингвистические средства вербализации понятия «семья» в произведениях Л.Н. Толстого «Война и мир» и Д. Голсуорси «Собственник» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 11(89). Ч.2. С. 278-282.
2. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М.: Наука, 1994. 800 с.
3. Евдокимова Е.А. Семья как этическое-философская реальность: на материале русской литературы XIX века: дисс. ... канд. филос. наук. СПб., 2002. 172 с.
4. Колесникова С.М. Ценностная парадигма в русской картине мира (на материале романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы») // Русский язык в школе. 2024. Т. 85. № 5. С. 91-101.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
6. Ляпина А.В. Тема «Случайного семейства» и «Оскорбленного детства» в публицистике Ф.М. Достоевского // Вестник Омского университета. 2012. № 3. С. 195–197.
7. Сивакова О.Б. Развитие метафоры: от античности до когнитивной лингвистики // Молодой ученый. 2024. № 16(515). С. 141–143.
8. Толстой Л.Н. Война и мир: в 2-х кн. М.: АСТ, 2015. Кн. 1. Т. 1-2. 960 с.
9. Чжан Цинхань. Концептуально-метафорические преобразования лексемы семья в современной русской речи // Современное педагогическое образование. 2022. №2. С. 230-234.
10. Шильникова И.С. Ценностное отношение к семье лингвокультурного типажа the man of property на материале произведений Джона Голсуорси // Символ науки. 2016. № 1(3). С. 117–120.

References

1. Ayupova RA., Garipova EV. Linguistic means of verbalization of the concept of «family» in the works of L.N. Tolstoy «War and Peace» and J. Galsworthy «The Man of Property». *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2018;11(89)2:278-282. (In Russ.).
2. Dostoevsky FM. Brothers Karamazov. Moscow: Nauka; 1994. 800 p. (In Russ.).
3. Evdokimova EA. Family as an ethical and philosophical reality: based on the material of Russian literature of the XIX century: thesis. St.Petersburg; 2002. 172 p. (In Russ.).
4. Kolesnikova SM. Value paradigm in the Russian picture of the world (based on the novel by FM. Dostoevsky «The Brothers Karamazov») // *Russkij yazyk v shkole*. 2024;85(5):91-101. (In Russ.).
5. Lakoff J., Johnson M. The metaphors we live by. Moscow: Editorial URSS; 2004. 256 p. (In Russ.).
6. Lyapina AV. The theme of «Random Family» and «Offended Childhood» in the journalism of F.M. Dostoevsky. *Vestnik Omskogo universiteta*. 2012;3:195–197. (In Russ.).
7. Sivakova OB. Development of metaphor: from antiquity to cognitive linguistics. *Molodoj uchenyj*. 2024;16(515):141–143. (In Russ.).
8. Tolstoy LN. War and peace: in 2 books. Moscow: AST; 2015. 960 p. (In Russ.).
9. Zhang Qinghan. Conceptual and metaphorical transformations of the family token in modern Russian speech. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*. 2022;2:230-234. (In Russ.).
10. Shilnikova IS. Value attitude to the family of the linguistic and cultural type the man of property based on the works of John Galsworthy. *Simvol nauki*. 2016;1(3):117–120. (In Russ.).